

X 50
— 1801 —

№ 33. 1 сентября 1904 г.

ИЗВѢСТІА ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Выходятъ четыре раза въ мѣсяцъ.
Подписная цѣна: съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“— для епархіальныхъ подписчиковъ 8 р. въ годъ, для не-епархіальныхъ—10 р. Безъ приложенія журнала „Православный Собесѣдникъ“—для не-епархіальныхъ подписчиковъ—5 р.
Адресъ редакціи: Казань. Духовная академія.

Оффиціальный отдѣлъ.

Объявляется Архипастырская благодарность.

Землевладѣльцу г. Статсъ-Секретарю *М. Н. Галкину-Враскому* за пожертвованіе въ церковь села Барскихъ Каратай, Тегюшскаго уѣзда, четырехъ тысячъ руб. въ пользу храма и причта за вѣчное поминовеніе его родственниковъ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

9-го іюня текушаго года Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Димитріемъ, Архіепископомъ Казанскимъ открыта, согласно Указу Святѣйшаго Синода, женская община въ имѣннѣ, пожертвованномъ для нея княгиню П. Н. Волконскою, близъ г. Тегюшъ, Казанской губерніи.

Сынъ священника *Вишневскій* опредѣленъ псаломщикомъ въ село Опшнякъ, Лайпсвскаго уѣзда, 24 августа.

Діаконъ села Чувашской - Сормы, Ядринскаго уѣзда, *Денисовъ* перемѣщенъ въ село Красный Яръ, Чебоксарскаго уѣзда, 19 августа.

Священникъ с. Байтерякова, Тетюшскаго уѣзда, *Виноградовъ*, согласно прошенію, по болѣзни, уволенъ за штатъ, 19 августа.

На журналѣ Консисторіи о разрѣшеніи обратить холодный храмъ села Моргоушъ, Козмодемьянскаго уѣзда, въ теплый, резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 2 августа 1904 года за № 1951, послѣдовала такая: „Настоящее дѣло еще разъ (не помню который по счету) показываетъ, что въ деревняхъ Казанской епархіи-губерніи не умѣютъ различать приходскія собранія и сельскіе сходы. По настоящему, чисто внутреннему дѣлу Моргоушскаго прихода (перестройка въ храмѣ), собрался *сельскій сходъ* и постановилъ приговоръ о передѣлкахъ внутри церкви, съ подробнымъ указаніемъ самыхъ передѣлокъ. И торги на работы произвели и сдали работу подрядчику, съ которымъ сами будутъ вести расчетъ и дѣлать платежи чрезъ приходское попечительство мимо причта и церковнаго старосты. Приговоръ, какъ и слѣдуетъ приговору *сельскаго схода*, удостовѣренъ сельскими старостами, признанъ составленнымъ правильно Волостнымъ Правленіемъ, записанъ въ книгу приговоровъ сельскаго схода, имѣетъ подпись старшины и писаря волостнаго и разрѣшенъ въ исполненію Земскимъ Начальникомъ. И все это — по дѣлу о перестройкѣ внутри церкви. Точно рѣчь идетъ о ремонтѣ дома Волостнаго Правленія. Такой приговоръ сельскаго схода, удостовѣренный волостью, получившій утвержденіе соотвѣтствующаго должностнаго лица по крестьянскому общественному управленію, какъ вмѣшательство въ дѣла церковнаго управленія, я признаю, согласно циркуляру Министра Внутреннихъ Дѣлъ Губернаторамъ отъ 21 марта 1887 года за № 7, *ничтожнымъ*. Въ этомъ приговорѣ законно только одно „назначеніе сельскимъ сходомъ *сбора на поддержаніе церкви*“, но не распоряженіе самымъ поддержаніемъ церкви. Въ этомъ незаконномъ дѣлѣ

немало виновенъ мѣстный священникъ Аристовъ, который, очевидно, не знаетъ различія между сельскимъ сходомъ и приходскимъ собраніемъ, и нашелъ возможнымъ присутствовать на сельскомъ сходѣ рядомъ съ волостнымъ старшиной и сельскими старостами. Выступивши на сходѣ рядомъ съ волостнымъ старшиной и сельскими старостами, священникъ повидимому чувствовалъ незаконность вмѣшательства сельскаго схода въ дѣла церкви, незаконность его приговора по этому дѣлу, хотя бы и утвержденнаго мѣстною сельскою властью. Въ своемъ рапортѣ въ Духовную Консисторію онъ говоритъ, что онъ собралъ церковно-приходскій сходъ, для обсужденія вопроса о расширеніи теплаго придѣла. И въ самомъ приговорѣ есть попытка обратить сельскій сходъ въ приходское собраніе: въ началѣ приговора говорится о прихожанахъ мѣстной церкви, о „домохозяевахъ, составляющихъ цѣлый приходъ“. Но на самомъ дѣлѣ это былъ просто сельскій сходъ. Такъ онъ и называетъ самъ себя въ приговорѣ: „соединенный сельскій сходъ“. Таковъ онъ былъ, не смотря на неумѣстное присутствіе священника, и по формѣ: старосты сельскіе съ ихъ печатами, старшина съ печатью волостного правленія, волостное удостовѣреніе въ правильности составленія приговора, запись приговора въ книгу приговоровъ сельскаго схода, разрѣшеніе привести приговоръ въ исполненіе отъ Земскаго Начальника. Только о томъ лицѣ (старостѣ церковномъ), которое оффиціально вѣдаетъ въ согласіи съ причтомъ все церковное хозяйство, и въ частности то, о чемъ идетъ рѣчь, въ настоящемъ дѣлѣ вовсе даже не упоминается ни въ мнимомъ приговорѣ приходскаго собранія, ни даже въ рапортѣ священника приходскаго, — какового нарушенія закона не замѣтилъ къ сожалѣнію и благочинный, давшій удостовѣреніе. — Все дѣло слѣдовало бы повести такъ: 1) священнику слѣдовало созвать общее собраніе прихожанъ, но не такъ и не такое, какъ показываетъ имѣющійся въ дѣлѣ приговоръ, а примѣнительно къ парагр. 8, II и 36 инструкціи церковнымъ старостамъ. Волостному Правленію съ волостнымъ старшиной и писаремъ нѣтъ дѣла до такого собранія. Старшина и писарь могутъ принимать участіе въ собраніи не какъ должностныя лица, а только какъ прихожане, если они прихожане (въ настоящемъ случаѣ и Волостное Правленіе въ другомъ селѣ); 2) На собраніи прихожанъ свя-

енникъ долженъ былъ сдѣлать предложеніе о ремонтѣ; и если бы собраніе, по обсужденіи дѣла, приняло его предложеніе, оно должно было избрать изъ своей среды уполномоченныхъ, съ которыми и повели бы дѣло причтъ и церковный староста. (Таковыми уполномоченными могли быть председатель и члены приходскаго попечительства). 3) За симъ причтъ со старостой церковнымъ и уполномоченными долженъ былъ внимательно и подробно обсудить дѣло о ремонтѣ и приблизительно пока опредѣлить потребную для сего сумму. 4) Если денегъ достаточныхъ для дѣла не было ни въ церкви, ни у попечительства, можно было обратиться за помощью къ „сельскому обществу“, члены котораго, со своими семействами принадлежать къ приходу (не всѣ, конечно; могутъ быть въ сельскомъ обществѣ раскольники, магометане). И если бы сельское общество на сельскомъ сходѣ признало возможнымъ дать на поддержаніе церкви потребныя деньги изъ наличныхъ ли суммъ, или установивши для этого извѣстный сборъ съ ревизской души (сборъ обязательный), то такой приговоръ сельскаго общества слѣдовало бы изложить на бумагѣ въ формѣ акта, который долженъ былъ быть представленъ въ волостное правленіе для внесенія въ книгу приговоровъ сельскихъ сходовъ и утвержденъ къ исполненію Земскимъ Начальникомъ. Но этотъ сельскій приговоръ только и былъ бы приговоромъ о сборѣ денегъ на поддержаніе церкви, но онъ не опредѣлялъ бы подробно, въ чемъ долженъ состоять ремонтъ; въ немъ не должно было имѣть мѣста постановленіе о слачѣ работы тому или другому подрядчику,—это дѣло причта со старостою и приходскими уполномоченными. 5) По полученіи отъ сельскаго общества извѣщенія о состоявшемся приговорѣ сельскаго схода на счетъ опредѣленнаго обязательнаго взноса на поддержаніе (ремонтъ) церкви, причтъ со старостой церковнымъ и приходскими уполномоченными долженъ былъ представить Епархіальному Начальству прошеніе о желательномъ переустройствѣ внутри церкви, съ присоединеніемъ посвидѣтельствванія благочиннаго о необходимости ремонта и о потребныхъ для этого деньгахъ. И за тѣмъ дѣло пошло бы прямымъ ходомъ, по указаніямъ Епархіальнаго Начальства: въ виду предположенія серьезныхъ перестроекъ внутри церкви послѣдовалъ бы, по распоряженію Епархіальнаго Начальства, архитектурскій осмотръ церкви, составлены были бы

планъ перестройки, смѣта, проектъ условія съ подрядчикомъ, и тогда дано было бы разрѣшеніе отъ Епархіальнаго Начальства начинать ремонтъ. Все это потребовало бы нѣкотораго времени; и потому, если желательно было сдѣлать ремонтъ текущимъ лѣтомъ, слѣдовало вести дѣло безъ задержекъ. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ отъ сельскаго схода (20 января) до удостовѣренія благочиннаго (1 мая) прошло болѣе 3 мѣсяцевъ. А рапортъ священника приходскаго безъ старосты помѣченъ только 9 мая. Отъ архитектора же имѣется въ дѣлѣ только „проектъ устройства хоръ и переустройства печей въ церкви“, „часть продольнаго разрѣза“, безъ года и числа, безъ приложенія объяснительныхъ примѣчаній къ чертежу и безъ общей, по крайней мѣрѣ, смѣты (при отсутствіи смѣты сельскій сходъ шель ощущую: ему предлагаютъ услуги за 900 руб., онъ отдастъ однопоревенцу, можетъ быть неопытному, за 600 руб.). Дѣло это, неправильно веденное, не можетъ быть разрѣшено къ исполненію въ настоящемъ же году. Настоящее дѣло, какъ и множество другихъ подобныхъ дѣлъ по Казанской епархіи, въ которыхъ выступаетъ вмѣшательство въ церковныя дѣла сельскихъ сходовъ и Волостныхъ Правленій (о чемъ подробно смотр. указъ Духовной Консисторіи, Извѣстія по Казанской епархіи 1904 г. № 30 стр. 970—972), показываетъ, что сельское приходское духовенство не знаетъ различія между сельскимъ сходомъ и общимъ собраніемъ прихожанъ, почему и не отклоняетъ своевременно, на законномъ основаніи, такого вмѣшательства, вносящаго въ дѣла безпорядокъ, вражду и смуту. Въ виду этого предлагаю Консисторіи напечатать въ ближайшемъ № Извѣстій по Епархіи къ свѣдѣнію духовенства Казанской епархіи вмѣстѣ съ настоящей резолюціей циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Губернаторамъ отъ 21 марта 1887 года за № 7.

Въ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 21 марта 1887 года за № 7 изложено: „Оберъ-Прокуроръ Св. Синода сообщаетъ, что по входящимъ до него свѣдѣніямъ сельскіе и волостные сходы нерѣдко постановляютъ приговоры объ избраніи и удаленіи священнослужителей и въ такихъ же приговорахъ заявляютъ жалобы на нихъ или ходатайство о награжденіи священниковъ указанными въ приговорѣ наградами; причемъ составленіе подобныхъ при-

говоровъ сопровождается иногда пьянствомъ, ссорами и драками, а во многихъ случаяхъ въ нихъ допускаются даже формальныя неправильности. Не смотря на это и въ прямое нарушение постановленія закона, изъемающаго дѣла этого рода изъ круга вѣдомства сельскаго и волостного сходовъ, такіе приговоры безпрепятственно свидѣтельствуется должностными лицами сельскаго и волостного общественнаго управленія и получаютъ дальнѣйшее направленіе. Вслѣдствіе сего, и по соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, я признаю необходимымъ разъяснить, что за исключеніемъ дѣлъ, въ статьѣ 178 Общаго Положенія указанныхъ, т. е. назначенія сборовъ на устройство и поддержаніе церквей и случаевъ отвода земли или пожертвованія мірскихъ капиталовъ въ пользу церкви, церковно-приходскія дѣла, какъ не относящіяся, по силѣ существующихъ узаконеній (ст. 51 и 78 Общаго Положенія) къ кругу вѣдомства сельскихъ и волостныхъ сходовъ, не могутъ быть предметомъ сужденія послѣднихъ. Кромѣ того означеннымъ сходамъ не представляется и повода къ вмѣшательству въ дѣла этого рода, такъ какъ прихожане каждой сельской церкви составляютъ сами отдѣльное приходское общество, которое въ предѣлахъ предоставленной ему компетенціи можетъ обсуждать всѣ дѣла, сопряженныя съ интересами церкви и самихъ прихожанъ, и отъ себя представлять всякую свою нужду или жалобу подлежащему Епархіальному Начальству. По симъ основаніямъ и въ виду примѣчанія 3 къ ст. 51 и примѣчанія къ статьѣ 78 Общаго Положенія, всѣ приговоры сельскихъ и волостныхъ сходовъ по означеннымъ дѣламъ должны быть признаваемы ничтожными, а должностныя лица, допускающія составленіе такихъ приговоровъ, подлежатъ привлеченію къ законной отвѣтственности. Сообщая о выше изложенномъ, имѣю честь покорнѣе просить Ваше Превосходительство распорядиться, чтобы приведенное разъясненіе преподано было для обязательнаго руководства, какъ сельскимъ и волостнымъ сходамъ и должностнымъ лицамъ крестьянскаго общественнаго управленія, такъ и мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, въ порядкѣ, указанномъ въ статьяхъ 147 и 148 положенія объ этихъ учрежденіяхъ“.

Свободныя мѣста.

Священническія. При Царевококшайскомъ соборѣ; Кошлоушскомъ Александрійскомъ монастырѣ; въ селахъ: Юльялахъ, Козмодемьянскаго у.; Керебеляхъ, Царевококшайскаго у.; Новоишеевъ, Цивильскаго у.; Сотнурахъ, Царевококшайскаго у.; Кирмеляхъ, Свіязскаго у.; Тораевъ, Ядринскаго у.; Саврушахъ, Чистопольскаго у.; Моркахъ, Царевококшайскаго у.; Масловъ, Спасскаго у.; Верхнихъ Отарахъ, Мамадышскаго у.; Большомъ Тябердинѣ, Цивильскаго у.; Селенгушахъ, Чистопольскаго у.; Саюнахъ, Лаишевскаго у.; Новомъ-Тинчуринѣ, Тетюшскаго у.; Аринѣ, Царевококшайскаго у.; Тетвеляхъ, Чистопольскаго у.; Синьялахъ, Чебоксарскаго у.; Байтеряковѣ, Тетюшскаго уѣзда.

Діаконскія. Въ селахъ: Кузнецовѣ, Царевококшайскаго у.; Тоябѣ, Тетюшскаго у.; Цибиьнурѣ, Царевококшайскаго у.; Ардѣ, Козмодемьянскаго у.; Уньжѣ, Царевококшайскаго уѣзда.

Псаломщическія. При Тюремной г. Казани церкви.

Присоединеніе къ православію.

10 марта 1904 года священникомъ Троицкой церкви села Ново-Мордова, Спасскаго уѣзда, Василиемъ Агатицкимъ присоединена къ православнои церкви третьимъ чиномъ раскольница спасова согласія отрицанцевъ крестьянка села Ново-Мордова Акилина Львова, Левагина, 73 лѣтъ.

14 мая 1904 года причтомъ церкви села Старо-Иванаева, Чистопольскаго уѣзда, присоединенъ къ православію черезъ св. муропомазаніе бывший доселѣ въ расколѣ секты „рябиновщины“ (безповощинскаго толка) — того же села Старо-Иванаева крестьянинъ Иванъ Михайловъ Фроловъ, 21 года.

5 іюня 1904 года священникомъ Спасо-Преображенской церкви села Юматова, Свіязскаго уѣзда, Петромъ Самуиловымъ присоединено къ православно-католической церкви чрезъ таинство св. муропомазанія семейство Главенке: Альбертъ Матвѣевъ римско-католическаго вѣроисповѣданія

съ именемъ Алексѣя 41 года, жена его Надежда Эдуардова 37-ми лѣтъ, дѣти Изабелла 9-ти лѣтъ, Викторія 6-ти лѣтъ лютеранскаго вѣроисповѣданія съ именами Надежды, Галины, Милицы; крещена и св. мироу помазана съ именемъ Натали дочь ихъ, родившаяся 7-го апрѣля сего года.

18 іюня 1904 года благочиннымъ 2 окр. Спасскаго уѣзда священникомъ Василиемъ Зефировымъ присоединена къ православію католическаго вѣроисповѣданія мѣщанка изъ предмѣстія города Варшавы — Праги Станислава — Янина Янова Павловская съ нареченіемъ ей имени Анна 22-хъ лѣтъ.

24 іюня 1904 года священникомъ села Зміева, Чистопольскаго уѣзда, Николаемъ Мудровымъ присоединена изъ раскола безпоповщинской секты „по кресту“, состоявшая въ расколѣ отъ рожденія своего, гор. Чистополя мѣщанская дѣвица Евфросинія Θεодорова Курбатова 25 лѣтъ.

6 іюля 1904 года священникомъ села Тенишева, Спасскаго уѣзда, Василиемъ Некрасовымъ присоединенъ къ православію изъ раскола поморской секты села Тенишева отставной нижній чинъ Георгій Іосифовъ Гришинъ 78 лѣтъ

19 іюля 1904 года причтомъ Никольской церкви села Верхняго Услона, Свяжскаго уѣзда, присоединенъ къ православію чрезъ св. миропомазаніе изъ раскола австрійскаго толка крестьянинъ того же села запасный рядовой Іоаннъ Герасимовъ Дворниковъ, 34 лѣтъ.

Просвѣщеніе св. крещеніемъ.

6 іюня 1904 года священникомъ Макарьевской гор. Казани церкви Петромъ Касаткинымъ въ Кизическомъ монастырѣ просвѣщены чрезъ святое таинство крещенія язычницы изъ чувашъ — жена крестьянина села Янтикова-Норвашъ, Янтиковской волости, Цивильскаго уѣзда, Георгія, по крестномъ отцѣ, Николаева — Огима Ахматъева, 40 лѣтъ отъ рожденія, и родная дочь ея Анисья Егорова, 15 лѣтъ, съ наименованіемъ при крещеніи первой — Оеклою, по крестномъ отцѣ Ивановой и второй Марією.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПОУЧЕНІЕ

о. протоіерея І. И. Сергіева

въ день Воздвиженія Креста Господня.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ. (Троп. Св. Кресту).

Воздвигается крестъ Господень! Сколько важныхъ воспоминаній печальныхъ, страшныхъ и вмѣстѣ радостныхъ пробуждается въ душахъ при видѣ воздвигаемаго креста Христова, при одномъ видѣ креста! На немъ былъ распятъ Богочеловѣкъ, Единородный Сынъ Божій, изволившій Своими страданіями и смертію крестною искупить отъ вѣчныхъ мукъ родъ человѣческой; онъ обогрѣвъ былъ пречистою кровію, которой капля едина—очищеніе міру! Триста лѣтъ онъ былъ сокрытъ въ землѣ; триста лѣтъ Церковь Божія, вѣрующіе въ Господа были подъ ужаснымъ крестомъ; триста лѣтъ наводилась земля кровію христіанъ; ихъ распинали на крестахъ, да еще часто внизъ головою, рѣзали жгли, топили пѣлыми толпами, разрывали по частямъ. Тупились мечи и ослабѣвали руки палачей—такъ много приходилось отсѣкать имъ головъ, рукъ и ногъ, разныхъ членовъ христіанскихъ тѣлъ. Вотъ какъ сатана вооружился на Церковь Христову, стяжанную кровію Христовою! Поносная и ужасная крестная смерть Христова была какъ бы предтечею и указаніемъ смерти вѣрныхъ рабовъ Его. О страшное таинство креста!—О всегубительный грѣхъ, низведшій на землю Самаго Сына Божія, да воплотится и плотию Своею пострадать за насъ! О неизмѣнная, вѣчная правда Божія, требовавшая такой ужасной жертвы за грѣхи міра!—Слава

Тебѣ, праведнѣйшій Владыко, карающій грѣхъ и милующій грѣшниковъ кающихся! И такъ — покаяніе и покаяніе! Никто не коснѣй ни въ единомъ грѣхѣ! — Немедленно приноси покаяніе горячее, да преклонишь на милость Бога милосердаго и не погибнешь во грѣхахъ своихъ!

Триста лѣтъ гоненій прошли — и гоненія кончились. Явился на царскомъ престолѣ Римской имперіи благочестивый царь Константинъ, съ матерію Еленою; онъ благоволяетъ къ христіанамъ, принимаетъ самъ христіанскую вѣру, усердно чтитъ Распятаго и не только позволяетъ, повелѣваетъ всѣмъ — и духовенству и синклиту своему, войску и народу благоговѣнно поклоняться Христу. Воздвиглись храмы; повнеслись къ небесамъ хвалы и благодаренія. — Царица Елена повудила себя обрѣсти крестъ Господень въ Іерусалимѣ и онъ торжественно поднятъ изъ земли, воздвигнуть и — о радость! крестъ животворящій воздвизаетъ мертвыхъ, ибо вскорѣ по обрѣтеніи возложенный на мертвеца крестъ оживотворилъ его, исцѣляетъ больныхъ, прогоняетъ демоновъ, больная женщина отъ возложенія его исцѣлилась. Ибо кто воздвигенъ былъ на крестъ? Самъ Царь славы, Самъ Творецъ небесе и земли, Единородный Сынъ Божій. За кого? За міръ грѣшный и за насъ съ вами: хотя насъ тогда не было на свѣтѣ, но Господь зналъ, что будемъ и мы, и — то, какіе мы будемъ грѣшники окаянные, и потому страдалъ и за всѣхъ насъ; много, много горечи подлили и мы съ вами въ чашу Его страданій. Дивное чудо! Царь правды, Богъ всемогущій, воспринявши на Себя плоть человѣческую, претерпѣлъ казнь за насъ, за наши прегрѣшенія! И какую казнь? Самую поносную, мучительную! О таинство ужасное! О таинство, извлекающее слезы умиленія и благодаренія! Ибо, какъ не ужасаться при видѣ казни не преступника, а величайшаго Праведника, кроткаго, смиреннаго, незлобиваго, милосердаго, совершившаго безчисленныя благодѣянія человѣкамъ и ни единого зла не содѣлавшаго? Не напрасно померкло солнце, тряслась земля, раздралась завѣса храма, распались камни, отверзлись гробы, воскресли мертвые! Вся безчувственная природа содрогалась и сострадала Создателю всего. А каменные сердцемъ Іудеи не сострадали! А легкомысленный народъ кричалъ, ходя около креста и говорилъ:

о! разрушающий храм и въ три дня созидающий! спаси Себя Самого. Если Ты Сынъ Божій, сойди съ креста ¹⁾.

О, дражайшій Искупителю всего міра! Не вѣдали люди, что на Тебѣ отяготѣли грѣхи всего міра;—что Ты терпишь, невинный и безгрѣшный, казнь за насъ! Не вѣдали, что Самъ Богъ вступаетъ въ борьбу съ адомъ и сокрушаетъ могущество его, и хочетъ извести изъ ада души, отъ вѣка содержимыя въ узахъ его, и насъ избавить отъ его ужаснаго мучительства! О, сколь дороги для Бога души человѣческія, искупленная кровію Сына Его!—Сколь дороги души, питаемыя плотію и кровію Его! О, какое блаженство вкушать пречистое тѣло и кровь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа! О, сколь ужасенъ и губителенъ грѣхъ, для очищенія и изглаженія котораго нужна была смерть Сына Божія, и—смерть крестная! О, сколь несомнѣнна вѣчная казнь, уготованная нераскаяннымъ! Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ—Іисусомъ Христомъ такъ поступили, то что будетъ съ сухимъ и безплоднымъ? Сколь несчастны грѣшники, въ ослѣпленія своемъ незнающіе всей гибельности грѣха! Сколь страшенъ адъ, тьма кромѣшная и скрежетъ зубовъ, тартаръ преисподней, муки съ демонами!

Братія! покаемся вскорѣ, возненавидимъ грѣхъ, возлюбимъ правду, прильпнемъ сердцемъ и устами ко кресту Господню и возопіемъ усердно: Господи! пострадавый насъ ради и изливый кровь Свою пречистую, и умерый на крестѣ, ими же вѣси судьбами обрати насъ всѣхъ на путь спасенія и спаси насъ! Аминь.

¹⁾ Матѳ. 27, 39—40.

Въ области духовной литературы.

Въ 30—33 №№ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ помѣщена далеко не безынтересная статья священника В. Пестрякова: „*Современная русская действительность и предъявляемая ею требованія къ дѣятельности православнаго пастыря*“.

Авторъ отмѣченной статьи даетъ очень пластичное изображеніе той (преимущественно деревенской) среды, въ сферѣ которой долженъ работать современный священникъ. Несомнѣнны отрицательныя стороны въ жизни народа служить настоятельнымъ побужденіемъ для пастыря не ослабѣвать въ своихъ попеченіяхъ о вѣрномъ ему стадѣ овецъ Христовыхъ и выѣтъ съ тѣмъ указываютъ тѣ пункты, гдѣ эти попеченія должны проявиться съ особеннымъ усиліемъ.

„Кто знакомъ съ тысячелѣтней исторіей русскаго народа, говоритъ авторъ, тотъ, безспорно, замѣтилъ главную исторически сложившуюся черту народной души—ея религіозность: православная вѣра была движущимъ и зиждущимъ началомъ нашей исторіи, знаменемъ, призывавшимъ русскій народъ къ великимъ подвигамъ, утѣшеніемъ въ постигавшихъ его горестяхъ: „православная вѣра,—говоритъ Аксаковъ,—есть общественное и бытовое начало русскаго народа и проникаетъ его историческое бытіе“¹⁾. Объ этой же самой чертѣ народной души говоритъ и непосредственное наблюденіе надъ народной жизнью. Кого судьба ставила въ близкія, непосредственныя отношенія съ загадочнымъ сфинксомъ, именуемымъ народомъ, тотъ знаетъ о глубокой его религіозности. Вѣра православная освящаетъ каждый шагъ его жизни; при свѣтѣ вѣры православной оцѣниваются народомъ всѣ явленія не только общественнаго, но и частнаго порядка. Посѣщеніе богослуженія является необходимою потребностью его души, религіозное чтеніе, „чтеніе о божественномъ“—любимымъ занятіемъ, посѣщеніе святыхъ мѣстъ—завѣтной мечтой. Даже такое печальное явленіе въ нашей религіозной и общественной жизни, какъ сектанство, при всѣхъ его грустныхъ по-

¹⁾ Сочиненія, IV, 52.

слѣдствіяхъ, указываетъ на то, что вопросы религіозно-нравственнаго порядка весьма живучи въ нашемъ народѣ, занимаютъ его мысль и сердце, волнуютъ его. Литература, говорятъ, есть лучшая выразительница жизни. Путемъ изученія, силою проникновенія, возможнаго только для таланта, духовникъ-писатель лучше, чѣмъ кто-либо другой, постигаетъ жизнь не во внѣшнихъ только ея проявленіяхъ, но въ самомъ существѣ ея. Если мы обратимся по данному вопросу къ нашимъ писателямъ, то и здѣсь встрѣтимъ въ общемъ согласное свидѣтельство о томъ, что нашъ народъ религіозенъ. Не важно въ данномъ случаѣ то, какъ смотрятъ они на религіозное настроеніе народа, какъ толкуютъ его,—важно то, что религіозность его они признаютъ несомнѣннымъ фактомъ. Мнѣніе Бѣлинскаго, высказанное имъ въ нашумѣвшемъ когда-то письмѣ къ Гоголю о томъ, что „нашъ народъ глубоко—атеистиченъ“, стоитъ особнякомъ; отчасти его можно объяснить странностію и запальчивостію самаго писма. Достоевскій близко видѣлъ народъ нашъ и зналъ его, „жилъ съ нимъ довольно лѣтъ, ѣлъ съ нимъ, спалъ съ нимъ, и самъ къ злодѣямъ причтенъ былъ, работалъ съ нимъ настоящею мозольною работою“¹⁾, а потому его мнѣніе имѣетъ для насъ большее значеніе. „Народъ нашъ,—говоритъ Достоевскій,—просвѣтился уже давно, принявши въ свое существо Христа и Его ученіе.... Хотя народъ нашъ и не знаетъ молитвъ, но суть христіанства, по духу и правдѣ его сохранились и укрѣпились въ немъ такъ, какъ ни въ одномъ изъ народовъ міра сего“²⁾. Но если русскій народъ необходимо признать религіознымъ, продолжаетъ авторъ, то нельзя сказать, что вѣра его всегда вполне сознательна и полна въ той мѣрѣ и степени, какъ требуется это отъ всякаго православнаго христіанина. Для того, чтобы быть христіаниномъ, нужно прежде всего воспитать въ себѣ христіанскій духъ и настроеніе,—а это именно и есть въ нашемъ простомъ народѣ. Но отъ христіанина требуется еще и знаніе того, чему и какъ учить насъ Христосъ. Знаніе это особенно необходимо въ наше время, когда разные непрізнанные

¹⁾ Дневникъ писателя, 1880 г., августъ, стр. 475.

²⁾ Тамъ же, 1877 г., мартъ, стр. 78.

учители, подь видомъ чистаго христіанскаго ученія, проповѣдуютъ измышленія своего разума, извращаютъ чистое ученіе Христа, похищая у Церкви ея овецъ. На вопросъ о томъ, есть ли въ нашемъ народѣ знаніе основныхъ истинъ христіанства, съ грустью нужно сознаться, что такое знаніе всего чаще отсутствуетъ. Народъ въ массѣ своей не знаетъ часто самыхъ элементарныхъ истинъ Христовой вѣры, и даже въ послѣднее время, когда народная школа сдѣлала большіе успѣхи, замѣчается то же явленіе. Кому приходилось близко сталкиваться съ народомъ, кто наблюдалъ его жизнь, а особенно кто велъ съ ними бесѣды „о божественномъ“, тотъ имѣлъ полную возможность убѣдиться въ этомъ. На вопросы религіознаго характера всего чаще получаютъ отвѣты неясные, неопредѣленные, а то и совсѣмъ не христіанскіе. Отсутствие иногда самыхъ элементарныхъ понятій о Богѣ, о Св. Троицѣ, о Сынѣ Божіемъ, нашемъ Искупителѣ, о Богородицѣ, смѣшеніе обрядовой стороны съ догматической, незнаніе молитвъ или извращенное ихъ знаніе—все это явленія общеизвѣстныя, отмѣченныя какъ свѣтскою, такъ и духовною печатью. „Вѣра живетъ въ сердцахъ простыхъ людей, выражается въ ихъ правахъ, поддерживаемыхъ преданіями, и въ религіозныхъ обрядахъ, но въ смыслѣ разумнаго пониманія вѣры ихъ облегаетъ тьма предрасудковъ, суевѣрій, сектъ и расколовъ¹⁾. Въ народѣ твердо еще держится вѣра въ домовыхъ, русалокъ, лѣшихъ, кикиморъ, въ колдовство, сглазь, порчу, въ сны и гаданья; какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ, въ болѣзняхъ онъ обращается къ знахарямъ, наговорамъ, опахиванью села; съ христіанскими праздниками у него соединяются языческія суевѣрія. Слабымъ развитіемъ религіознаго знанія объясняется, далѣе, формальный взглядъ на православную вѣру и формальное же отношеніе къ ней. Нерѣдко народъ нашъ, не понимая смысла и значенія богослуженія, таинствъ и обрядовъ, довольствуется только внѣшней ихъ стороной, полагая, что именно эта послѣдняя заключаетъ въ себѣ какую-то магическую силу и дѣйствіе. Въ томъ же слабому

¹⁾ Проповѣди Амвросія, архіеп. Харьковскаго, произнесенныя во время служенія его въ Харьковской еп. 1882—1894, стр. 386.

развитіи въ нашемъ народѣ религіознаго знанія можно находить и причину быстраго развитія въ немъ за послѣднее время различныхъ сектъ. Сектантство,—явленіе, чуждое для насъ по духу, наносное,—растетъ и развивается на почвѣ религіознаго знанія, отрѣшеннаго отъ руководства Церкви¹⁾.

Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, „предъ духовенствомъ въ настоящее время во всей своей силѣ стоитъ вопросъ о томъ, чтобы во-время удовлетворить запросы народной души, ума и сердца: утолить духовную жажду народа отъ чистаго источника—Церкви. Это вопросъ перво-степенной важности, и дай Богъ, чтобы русское духовенство съ силою и энергіей взялось за его разрѣшеніе: здѣсь вопросъ о жизни и счастья не только народа и самого духовенства, но и всей Россіи²⁾“.

Обслѣдовавъ ту, такъ сказать интеллектуальную, почву, которую долженъ воздѣлывать истинный трудникъ Христовъ, пастырь церкви, авторъ обращается къ обрисовкѣ моральнаго облика его теперешнихъ пасомыхъ изъ народа.

„Посмотримъ теперь, говоритъ онъ, что представляетъ собою нашъ народъ въ нравственномъ отношеніи?—Нѣкоторые писатели, напр. Щедринъ, считаютъ жизнь народа влоакой всякой мерзости; образованные классы, сближаясь съ нимъ, будто бы, рискуютъ лишь заразиться его проказой и язвами. Дѣйствительно, если ближе присмотрѣться къ народной жизни, то можно увидѣть въ ней много весьма печальныхъ явленій, требующихъ самой энергичной борьбы съ ними и могущихъ навести на весьма грустные размышленія.

Семейная жизнь крестьянъ представляетъ довольно грустную картину: съ одной стороны, мы видимъ злоупотребленіе властью родителей надъ дѣтьми, мужей надъ женами; съ другой—всюду явленія неудовольствія молодежи противъ стариковъ и ихъ воли.

Хроника судебныхъ процессовъ съ несомнѣнностью доказываетъ, что преступность въ народѣ не только не уменьшается, а напротивъ растетъ.

1) 308—312 стр.

2) 313 стр.

Большой вред въ крестьянскую жизнь вноситъ городъ со своимъ часто гибельнымъ воздействиемъ. При значительномъ развитіи, особенно за послѣдніе годы, фабричнаго производства, громадномъ ростѣ городовъ, умноженіи желѣзныхъ дорогъ, города ежегодно отвлекаютъ изъ деревни сотни тысячъ народныхъ рукъ и оказываютъ на народъ двѣкратное вредное вліяніе: во-первыхъ, тѣмъ, что отрываютъ его отъ земли, а между тѣмъ, „крестьянинъ“ именно „землею крѣпокъ“. Во-вторыхъ, городъ ставитъ народъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ, что называется культурой, главнымъ образомъ, съ вѣшной ея стороной,—знакомитъ его съ фабричнымъ разгуломъ, съ удобствами городской жизни, развиваетъ влеченіе къ легкой, веселой жизни. Вліяніе городовъ, фабрикъ и заводовъ грозитъ нашему народу серьезными опасностями. Въ настоящее время, по мнѣнію политико-экономистовъ, Россія переживаетъ переходъ отъ натурального хозяйства къ капиталистическому. Отъ земли и ея представителя—пахаря, говорятъ они, ждать нечего: онъ не развитъ, жалокъ и глупъ. Большаго вниманія заслуживаетъ мастеровой, какъ элементъ болѣе развитой и бойкій. Естественно, что сюда, главнымъ образомъ, направилась и пропаганда, несущая, вмѣстѣ съ политическими утопіями, также религіозное вольнодумство и полное невѣріе. И жизнь показываетъ, что глетворныя сѣмена невѣрія и матеріализма начинаютъ проникать въ народъ, и проводниками ихъ нужно признать именно города съ ихъ фабриками и заводами, гдѣ и сосредоточилась пропаганда¹⁾“.

Но, какъ было замѣчено выше, мрачныя стороны въ жизни народа должны только послужить для пастыря наибольшимъ побужденіемъ къ проявленію имъ своей пастырской благопопечительности. Тѣмъ болѣе, что объективная возможность послѣдней никогда не прекращается: неспорченный въ конецъ народъ всегда готовъ идти съ раскрытымъ сердцемъ на встрѣчу этому доброму пастырю, который болѣетъ о немъ своей душой и стремится придти ему на помощь во всеоружіи своихъ естественныхъ и благодатныхъ силъ. „Сказать, что нравственная жизнь нашего народа пред-

¹⁾ 341—343 с.

ставляет только одни печальныя явленія, однѣ мрачныя картины, говорить авторъ, значило бы намѣренно сгущать краски, быть несправедливыми. Пусть народъ нашъ покрытъ азвами, какъ выражается Щедринъ, пусть много есть въ его жизни мрачныхъ явленій; но не мало въ немъ и свѣтлыхъ сторонъ, есть въ немъ и большія достоинства, которыя могутъ подавать много утѣшительныхъ надеждъ всѣмъ, кому близко счастье родного народа, а особенно пастырямъ— труженикамъ на нивѣ сердца.

Народъ нашъ мало знакомъ теоретически съ православной вѣрой, но у человѣка есть внутренней законъ, душѣ его прирожденный,—законъ совѣсти, и этотъ непосредственный законъ сохранился въ душѣ нашего народа неприкосновеннымъ и развился въ немъ его многострадальной исторіей. Богъ живетъ въ душѣ нашего народа; глубоко и крѣпко вкоренилось въ немъ религиозное чувство, жива и дѣйствена въ немъ потребность вѣры и знанія, относящагося къ вѣрѣ. Въ народѣ заключается еще такой богатый запасъ силъ и нравственной энергіи, который даетъ ему возможность полного нравственнаго оздоровленія.

Народъ нашъ по натурѣ своей мягокъ, добрѣ и уступчивѣ. Пороки и преступленія въ народѣ увеличиваются,—но въ народныхъ преступленіяхъ все же нѣтъ того ожесточенія и озвѣрѣнія, какое можно видѣть въ высокопросвѣщенныхъ странахъ Запада. Народъ нашъ по существу чистъ сердцемъ и правдивъ. Онъ согрѣшитъ,—но и слезами оmyваетъ свой грѣхъ; онъ совершаетъ преступленія,—но всегда сознается, что поступилъ худо; что „проклятъ Богомъ его смрадный грѣхъ“¹⁾.

Народъ нашъ по природѣ добрѣ и отзывчивъ на чужое горе: онъ всегда готовъ помочь, чѣмъ можетъ, не только своему собрату, но и чуждому для него интеллигенту, разъ тотъ нуждается въ помощи; онъ способенъ на благородныя порывы, на самопожертвованіе, что доказали наши войны, особенно послѣдняя съ турками за единокровныхъ и единовѣрныхъ славянъ и нынѣшняя съ японіей.

Такимъ представляется намъ нравственный обликъ народа. Народный характеръ, таящій въ себѣ, при всѣхъ

1) Дневн. писат., 1877 г., стр. 476.

своихъ недостаткахъ, много добрыхъ чертъ и задатковъ, богатый запасъ силъ и нравственной энергіи, отърываетъ широкія перспективы для нравственнаго воздѣйствія на него духовенства. Неблагопріятныя историческія условія создали ненормальныя отношенія между духовенствомъ и народомъ, но они постепенно сглаживаются и ослабляются, и если народъ слушаетъ иногда непризванныхъ учителей, то тѣмъ болѣе есть надежды ожидать, что онъ послушается своихъ законныхъ, Богомъ и исторіей поставленныхъ надъ нимъ, пастырей и руководителей“¹⁾.

Переводы христіанскихъ книгъ на инородческіе языки въ первой половинѣ XIX в.

(Историческій очеркъ).

Необходимость переводовъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края сознавалась и неоднократно высказывалась и въ предшествовавшіе вѣка, особенно въ XVIII вѣкѣ, но на практикѣ, за отсутствіемъ людей, знакомыхъ съ инородческими языками, дѣло это оставалось безъ осуществленія до самаго XIX в. До XIX в. мы не видимъ ни одной книги на инородческомъ языкѣ, за исключеніемъ грамматикъ чувашскаго и черемисскаго языка, напечатанныхъ въ 1775 году²⁾. Въ концѣ XVIII в. священникомъ Андреемъ Альбинскимъ, вѣроятно, по порученію арх. Каз. Амвросія (Подобѣдова), былъ сдѣланъ переводъ Литургіи на черемисскій языкъ и этотъ опытъ, хотя, можетъ быть, далеко несовершенный, ясно показалъ, какое важное вліяніе могло-бы оказать христіанское богослуженіе на инородцевъ, если-бы оно совершалось на понятномъ имъ языкѣ. Вотъ что писалъ архіеп. Амвросій

1) 343—345 с.

2) О существованіи этихъ грамматикъ упоминается въ донесеніи Каз. арх. Филарета Св. Синоду отъ 18 ноября 1829 г. съ проэктомъ особаго учрежденія для образованія миссіонеровъ при Казанской семинаріи.

Св. Синоду: „Обращая по долгу служенія своего вниманіе на епархію, мнѣ ввѣренную, нахожу, что живущія въ оной непросвѣщенныя племена чувашь и черемись не имѣютъ не только недостаточнаго, но и малаго понятія объ истинахъ вѣры, къ которой приведены они святымъ крещеніемъ, безъ предварительнаго истолкованія имъ догматовъ оныхъ. Причина такого невѣжества ихъ къ истинамъ Евангелія происходитъ отъ того, что они не только славянскаго, но и руссійскаго, особливо княжнаго языка большею частію не понимаютъ, а паче полъ женскій, а потому не разумѣютъ и самаго богослуженія, къ которому и собираются болѣе по принужденію, нежели изъ внутренняго убѣжденія. Сему неоспоримымъ доказательствомъ служить переведенная на черемисскій языкъ священникомъ Андреемъ Альбинскимъ литургія, святѣйшему правительствующему Синоду мною представленная. Ибо, когда по распоряженію моему въ нѣкоторыхъ селахъ она была прочитываема черемисамъ, то они съ удивленіемъ признавались, что они только въ сіе время понимаютъ силу и содержаніе оной, а прежде сего думали, что ихъ принуждаютъ въ церковь ходить только для того, чтобы молиться за русскихъ, теперь же видятъ, что въ церкви молятся за весь міръ и за нихъ самихъ. Это собственныя слова черемисъ, коимъ прочитываема была литургія“¹⁾). Почему-то этому переводу не суждено было появиться въ печати.

Въ 1800 году появляется первая печатная книга на чувашскомъ языкѣ, именно—краткій катихизисъ, напечатанный въ синодальной типографіи церковными литерарами на руссійскомъ и чувашскомъ просторѣчьи въ количествѣ 600 экз. на средства синодальныхъ членовъ архіепископовъ Амвросія Петербургскаго, бывшаго Казанскаго, и Павла Ярославскаго. Когда, гдѣ и по чьей инициативѣ былъ сдѣланъ этотъ переводъ, въ точности не извѣстно, но съ большою вѣроятностью можно предположить, что этотъ переводъ былъ сдѣланъ въ 1788 г. въ Нижегородской епархіи, по предложенію Нижегородскаго епископа Дамаскина²⁾). Самъ просвѣщ.

¹⁾ Прав. Соб. 1858 г., ч. III, стр. 479—480.

²⁾ Ильминскій, „Опыты переложенія христ. вѣроуч. книгъ на татарскій и другіе иноподч. языки“, стр. 135—136, 318 и 348.

Дамаскинъ почему-то не успѣлъ напечатать этотъ трудъ. Послѣдній попалъ потомъ въ руки его преемника преосв. Павла, бывшаго на Нижегород. каедрѣ съ 1794 по 1798 г. Преосв. Павелъ, переведенный въ началѣ 1880 г. въ Ярославль, представилъ, надо полагать, чувашскій переводъ катихизиса Петербургскому архіепископу Амвросію для напечатанія (вѣроятно, при личномъ свиданіи предъ поступленіемъ на Ярославскую каедру). Тогда же, вѣроятно, и условились они напечатать чувашскій катихизисъ на свои средства. Иначе, представляется страннымъ и непонятнымъ, почему Ярославскій преосв. Павелъ, не имѣвшій тогда никакого отношенія къ дѣлу просвѣщенія Казанскихъ инородцевъ, привимааетъ матеріальное участіе въ изданіи инородческихъ книгъ. По отношенію же къ преосв. Амвросію это нисколько не кажется страннымъ: извѣстно, что онъ всегда, какъ въ бытность на Казанской каедрѣ, такъ и послѣ съ живѣйшимъ интересомъ относился къ просвѣщенію инородцевъ и особенно сильно чувствовалъ нужду въ переводѣ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки.

Печатаніемъ катихизиса на чуваш. языкѣ дѣло пока и ограничилось, но вскорѣ же послѣ этого случилось одно обстоятельство, имѣвшее громадное вліяніе на направленіе миссіонерскаго дѣла въ Казан. краѣ и указавшее неотложную нужду въ переводѣ христ. книгъ на инородческіе языки. Въ 1802 г. крещенные татары Нижегородской губ. подали на Высочайшее имя просьбу о дозволеніи имъ исповѣдывать мухаммеданскую вѣру. Производившееся по этому поводу дознаніе выяснило, что означенные крещенные татары желаютъ перейти въ мухаммеданство по той причинѣ, что „христіанскаго богослуженія, совершаемаго на славянскомъ языкѣ, они не понимаютъ“¹⁾...

Указывались и иныя причины отпаденія. Но изъ нихъ самой главной нужно признать непониманіе крещеными татарами христіанства вообще и христіанскаго богослуженія въ частности. На это главнымъ образомъ упирали и сами крещенные татары, а на другія причины — на неискренность принятія ими христіанства, на стѣсненія и обиды со стороны

¹⁾ Опыты переложенія..., стр. 17.

некрещеныхъ татаръ и др.—они указывали какъ будто только между прочимъ. Такъ это понято было и правительствомъ, а потому въ числѣ мѣръ для борьбы съ отступническимъ движеніемъ первымъ долгомъ было указано на необходимость перевода христіанскаго катихизиса и нѣкоторыхъ молитвъ на татарскій языкъ для вразумленія крещеныхъ татаръ въ истинахъ христіанства. А такъ какъ въ христіанскомъ вразумленіи нуждались не одни крещеные татары, а всѣ крещеные инородцы Россіи, Св. Синодъ, согласно Высочайшей волѣ, отъ 22 января 1803 г. разослалъ указы 14-ти архіереямъ, въ епархіяхъ которыхъ имѣлись инородцы,—чтобы они (архіереи) позаботились переводомъ катихизиса и церковныхъ молитвъ на татарскій, мордовскій, чувашскій, черемисскій, вотяцкій и корельскій языки, по обитанію сихъ народовъ во вѣреннхъ имъ епархіяхъ, и чтобы по изготовленіи сихъ переводовъ неусовершенно представили ихъ въ Св. Синодъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, въ Св. Синодъ стали присылаться одинъ за другимъ переводы катихизиса изъ разныхъ епархій. Отъ 28 февр. 1803 г. былъ представленъ переводъ катихизиса на татарскомъ языкѣ изъ Тобольской епархіи, отъ 17 іюня—изъ Оренбургской еп. на татарскомъ, мордовскомъ, вотяцкомъ языкѣ, при чемъ чувашскій переводъ въ двухъ редакціяхъ; отъ 28 сент.—изъ Вятской еп. на вотяцкомъ и черемисскомъ языкѣ, отъ 19 мая—изъ Казанской еп. на татарскомъ, чувашскомъ и черемисскомъ языкѣ, а отъ 14 ноября—изъ той же епархіи на мордовскомъ языкѣ. Такъ какъ на нѣкоторыхъ языкахъ переводъ катихизиса присланъ былъ въ нѣсколькихъ спискахъ изъ разныхъ епархій, то предстояло рѣшить вопросъ, какой изъ нихъ напечатать? Синодъ призналъ нужнымъ напечатать Казанскіе переводы, какъ имѣющіе болѣе компетентности, ибо они были сдѣланы въ Казанской академіи. Въ декабрѣ того же 1803 г. переводы на татарскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ языкахъ были отосланы въ Московскую синодальную типографію для напечатанія церковными литератами съ присовокупленіемъ ко всѣмъ этимъ переводамъ азбучныхъ складовъ. Но въ типографіи, за неимѣніемъ свободнаго шрифта, до сентября 1804 г. не приступали къ печатанію означенныхъ переводовъ. Тогда Св. Синодъ, сознавая неотложную нужду въ пере-

водахъ, предписалъ типографіи немедленно приступить къ печатанію ихъ, остановивъ печатаніе другихъ книгъ. Дѣйствительно, переводы начались печатаніемъ того же 1804 г. сентября 21 дня, а къ 5 декабря того же года всѣ переводы были уже готовы, за исключеніемъ татарскаго. Татарскій переводъ не былъ напечатанъ за неимѣніемъ въ типографіи татарскаго шрифта. Св. Синодъ велѣлъ тогда печатать его славянскими же литерами и къ 17 іюля 1805 г. онъ былъ уже готовъ. Черемисскій и татарскій переводы были напечатаны въ 1200 экз. каждый, а чувашскій и мордовскій — по 2400 экз. Во второй половинѣ 1805 г. книги были разосланы по епархіямъ.¹⁾

Изъ высланныхъ въ Оренбургскую епархію 2446 экз. катихизиса на разныхъ инородческихъ языкахъ 2294 экз. сгорѣли, а потому преосв. Оренбур. Амвросій просилъ Св. Синодъ напечатать означенные переводы вновь. Св. Синодъ указами отъ 18 окт. 1806 г. и отъ 16 янв. 1807 г. распорядился о напечатаніи переводовъ: чуваш., мордов., татар. и черемисскаго, но были ли дѣйствительно напечатаны тогда эти переводы, намъ не удалось найти объ этомъ свѣдѣній.

Изъ изданныхъ въ 1804 г. катихизисовъ въ Нижегородскую епархію были посланы книги только на татарскомъ языкѣ, между тѣмъ въ этой епархіи кромѣ крещенныхъ татаръ жили еще мордва и черемисы и небольшая часть чувашъ, которые не менѣе татаръ нуждались въ христіанскомъ наставленіи. Это очень озабочивало преосв. Нижегород. Веніамина. Ему хотѣлось имѣть переводы катихизиса и для этихъ инородцевъ. Къ счастью въ мѣстной семинарской библіотекѣ онъ нашелъ два экземпляра краткаго катихизиса: одинъ печатный — на чуваш. языкѣ, изд. 1800 г., а другой рукописный на мордов. языкѣ. Преосв. Веніаминъ мордовскій переводъ черезъ знающихъ людей исправилъ и присоединилъ къ нему двѣ молитвы и исповѣдь на морд. языкѣ, перевелъ тѣ же катихизисъ, молитвы и исповѣдь на черемис. языкъ, а также молитвы и исповѣдь (безъ катихизиса) на чуваш. и татар. языки, и все это препроводилъ въ Св. Синодъ для напечатанія. Въ началѣ 1808 г. всѣ эти пере-

¹⁾ Ильминскій. „Опыты переложенія“..., стр. 73—125.

воды были напечатаны въ М. Син. типографіи по 600 экз. каждый и отосланы въ Нижегород. епархію, при чемъ большая часть чуваш. перевода (молитвы и исповѣдь) послана была въ Казанскую епархію. Черемисскій переводъ въ 1853 г. былъ напечатанъ въ М. Син. тип. третьимъ изданіемъ, во всемъ согласно съ первымъ изданіемъ 1808 г., даже съ полнымъ сохраненіемъ всѣхъ опечатокъ перваго изданія¹⁾. Русско-чувашскій катихизисъ, изданный въ 1804 г., въ 1852 г. былъ напечатанъ въ М. Син. тип. вторымъ изданіемъ, только безъ азбуки.

Катихизисы, изданные въ 1804 г., переведены съ иностраннаго катихизиса м. Платона. Русскій текстъ въ чувашскомъ и мордовскомъ переводѣ (вѣроятно, и въ черемисскомъ) мѣстами нѣсколько измѣненъ, вѣроятно, изъ желанія упростить изложеніе катихизиса для неразвитыхъ инородцевъ. Катихизисы съ исповѣдью, изданные въ 1808 г., переведены съ сокращеннаго катихизиса.

Намъ неизвѣстно, оказали ли эти переводы какое-либо влияніе на крещено-инородческое населеніе или нѣтъ. Исторія молчитъ объ этомъ. Но самое это молчаніе свидѣтельствуетъ, повидимому, о томъ, что эти переводы болѣе или менѣе замѣтнаго слѣда въ исторіи просвѣщенія инородцевъ не оставили. Такъ оно и должно было быть. Эти переводы, какъ первый опытъ, вышли далеко не удовлетворительными. Чувашскій, черемисскій и мордовскій переводы изложены какимъ-то убійственнымъ, совершенно непонятнымъ для инородцевъ языкомъ. Извѣстно, что инородческіе языки финско-тюркской группы по своей конструкціи совершенно не похожи на русскій языкъ, поэтому при буквальной и дословной переводѣ съ русскаго на инородческій языкъ или обратно совершенно затемняется или искажается смыслъ переводимаго текста. Это именно и случилось съ разбираемыми переводами. Переводчики, знакомые, очевидно, только съ отдѣльными словами того или другого инородческаго языка, но совершенно незнакомые съ внутреннимъ духомъ и конструкціей его, заботились только о томъ, чтобы противъ каждаго русскаго слова

¹⁾ „Опыты переложения“... стр. 135—141.

поставить соответствующее инородческое слово. Отъ этого переводъ вышелъ темный, уродливый, мѣстами прямо смѣшной. Если инородческую фразу передать на русскій языкъ буквально, по конструкціи инородч. языка, то получится дикая, непонятная для русскаго фраза. Напр., если чувашскую фразу: епѣ суралса уснѣ хулă (городъ, въ которомъ я родился и воспитывался) перевести буквально на русскій языкъ, то получается: „я родившись воспитавшійся городъ.“ Дико и непонятно! Точно также вышло и при переводѣ катихизиса на инородческіе языки.

Кромѣ указаннаго главнаго недостатка въ разбираемыхъ переводахъ масса этимологическихъ погрѣшностей, которыя въ свою очередь затемняютъ смыслъ переводовъ. Надежныя окончанія во всѣхъ почти переводахъ находятся отдѣльно отъ словъ, къ которымъ онѣ относятся. Нерѣдко одно слово раздѣлено на два, или два слова соединены въ одно. Сплошь и рядомъ слова ставятся не въ томъ падежѣ, въ какомъ слѣдуетъ, напр., именительный вмѣсто винительнаго, и наоборотъ. То же самое нужно сказать относительно глагольных формъ: глаголы часто ставятся не въ томъ времени и лицѣ, въ какомъ слѣдовало-бы. Опредѣлительныя слова сплошь и рядомъ не согласованы съ опредѣляемыми въ падежѣ и лицѣ. Особенно много погрѣшностей въ притяжательныхъ формахъ, такъ часто употребляющихся въ инородческихъ языкахъ. Слишкомъ много введено въ переводы русскихъ словъ, особенно союзовъ: *что, чтобы, и, ибо, но, и т. д.*, совершенно несвойственныхъ инородческимъ языкамъ. Нѣкоторые изъ этихъ союзовъ употребляются въ переводѣ на инородческій языкъ, напр. „который“ въ чувашскомъ переводѣ переводится словомъ „хуже“ или „хоже“; „что“ въ черемисскомъ переводѣ переводится словомъ „мо“. Но нужно замѣтить, что оба эти слова — вопросительныя мѣстоименія, и они никогда не ставятся въ качествѣ союзовъ. Инородческимъ языкамъ финско-тюркскаго племени вообще не свойственно подчинять дополнительное предложеніе главному посредствомъ союзовъ. Употребленіемъ русскихъ словъ и чуждыхъ инородческому языку союзовъ переводчики еще болѣе изуродовали языкъ инородцевъ и тѣмъ самымъ затруднили для инородцевъ повиманіе перевода.

Въ доказательство только что изложеннаго приведемъ одинъ отрывокъ изъ чина исповѣди, напечатаннаго на чуваш.

языкъ въ 1808 г. „Ивули! сякъ санданъ, Христось Тора никамъ да коршманнъ турать, кюдетъ да санынъ айпланатуранъ силахъ ря санынъ! асъ анвуданъ она калазясъ, мана: асъ она, калазиданъ мана маръ, самай вара Тора хоже ранъ силахъ тунъ азе, вулъ казятарь манъ орла силахъ санынъ“... и т. д. Думаемъ, что этого не пойметъ ни одинъ чувашинъ. Всѣ вопросы, какіе далѣе слѣдуютъ въ чинѣ исповѣди, изложены такимъ уродливымъ языкомъ, что едва-ли кто-нибудь изъ чувашъ въ состояніи понять ихъ.

Встрѣчаются въ переводахъ слова или вовсе неупотребительныя, а потому непонятныя для инородцевъ, или не соотвѣтствующія по своему значенію русскому тексту. Напр., въ чувашскомъ переводѣ въ 9-й заповѣди слово „свидѣтельствовать“ переведено словомъ „кюльделесъ“, совершенно непонятнымъ для чувашъ. Очевидно, переводчикъ хотѣлъ сказать „йигильдесъ“ (подстрекать, соблазнять), хотя и это слово не было подходящимъ въ данномъ случаѣ. Такое же совершенно непонятное слово находится во 2-й заповѣди: „вушпаль“. Есть и еще такія слова, хотя ихъ не особенно много. Слово „ближній“ (въ чувашскомъ переводѣ) переводится то словомъ „поскиль“ (сосѣдъ), то словомъ „юлдашъ“ (товарищъ). „Небо“ переводится то словомъ „сяндалыкъ“ (погода), то словомъ „сюдъ сяндалыкъ“ (весь видимый міръ). „Елика“ переводится „минъ чоль“, словомъ, отвѣчающимъ русскому вопросительному мѣстоименію: сколько? Такихъ ошибокъ довольно много. „Богъ Отецъ“ почти вездѣ переводится словами „Мунъ Тора“ (Великій Богъ). Неудачно, ибо этими словами навязывается чувашину языческо-шаманское представленіе о Богѣ.¹⁾

Для характеристики переводовъ, изданныхъ въ 1804 и 1808 годахъ, мы представимъ здѣсь обратный переводъ чувашскаго текста символа вѣры изъ катихизиса 1804 г. на русскій языкъ. „Вѣрую въ одного Бога, все сохраняю-

¹⁾ Особенно много неточностей и грубыхъ ошибокъ было допущено въ чуваш. переводѣ, присланномъ изъ Оренбург. епархіи. „Духъ Святой“ переводится то „Свята ширши“ (Святой запахъ), то „ширжи святоянъ“ (запахъ святаго), то „сывлыхъ торю“ (здоровье прямое или праведное). Хорошо, что этотъ переводъ не былъ напечатанъ.

щаго, дѣлающаго небесную погоду (или: небесный видимый міръ) и землю, все видимое и невидимое. Въ сына Великаго Бога, котораго зовуть Иисусъ Христосъ, отъ великаго Бога родившаго, который (?) ¹⁾ изъ всѣхъ началъ въ самомъ началѣ былъ, который (?) изъ свѣта свѣтъ, истинный Богъ отъ истиннаго Бога родившаго, не сдѣланнаго, одинаковаго съ Великимъ Богомъ, который (?) все сдѣлалъ. Который (?) для насъ чтобы и намъ было хорошо съ неба сошелъ и съ духомъ Божиимъ прежде отъ дѣвы Маріей именуемой родивши какъ человекъ сталъ "... и т. д. въ этомъ же родѣ. По этому отрывку можно судить, насколько неудачны были переводы катихизиса начала XIX в. Все сказанное о чувашскомъ переводѣ одинаково можетъ относиться къ черемисскому и мордовскому переводу.

Татарскій переводъ въ отношеніи конструкціи былъ сдѣланъ сравнительно удачно. Это объясняется тѣмъ, что татарскій переводъ катихизиса былъ сдѣланъ, по словамъ Н. И. Ильминскаго, подъ руководствомъ знатока татарскаго языка учителя Казанской гимназіи Исхака Хальфина. Татарскій переводъ имѣетъ свой недостатокъ, весьма существенный, именно: катихизисъ переведенъ на ученый, книжный, турецко-татарскій языкъ, доступный только для ученыхъ муллъ и образованныхъ татаръ. Онъ изобилуетъ массой арабскихъ, турецкихъ и персидскихъ словъ. Имѣются мѣстами цѣлыя фразы арабскія или персидскія. Такъ, въ объясненіи 10-й заповѣди находится такая фраза: „Аллаунгъ унунчій амюрій угряядуръ, ня фахышь кяръ кярдь бадыллы худура фахышь ніятъ някярдь, и т. д. Думаемъ, что этой фразы не пойметъ ни одинъ неграмотный или малограмотный татаринъ. Слова: мюхтясярь, някыль, шярифъ, мюртядь, бязы, шбадыть и другія неупотребительныя въ народной рѣчи слова попадаются въ переводѣ постоянно. Слова, выражающія христіанскія понятія, вездѣ переводятся словами, заимствованными изъ мусульманской богословской терминологіи, вслѣдствіе этого весь переводъ получилъ мухаммеданскую окраску. Такъ, Иисусъ Христосъ называется Хазратій Гайса, Духъ Святой—Рухуль вуддусъ, пророкъ—

¹⁾ Вопросительное мѣстоименіе вмѣсто относительнаго.

пайгамбяръ, духовный отецъ — люля, государь — султанъ и т. д.

Такимъ образомъ, переводъ вышелъ неудаченъ. Мысль — составить книгу, которая-бы дѣйствительно могла служить для обученія православно-христіанскому закону новокрещенныхъ татаръ — осталась неосуществленной. Это, — говоритъ Н. И. Ильминскій, — произошло главнымъ образомъ отъ того, что не вникнули въ смыслъ и силу руководительнаго указа Св. Синода, чтобы переводъ сей, для лучшаго понятія новокрещенъ, сколько возможно ближе подходилъ къ *простому нарѣчію татарскому* (курсивъ нашъ).

Итакъ, всѣ переводы начала XIX в. оказались неудачными, непонятными для народа: татарскій переводъ — вслѣдствіе учено-книжнаго направленія, а другіе переводы вслѣдствіе нарушенія основныхъ законовъ синтаксиса и этимологій инородческихъ языковъ. Поэтому нельзя было ожидать отъ нихъ большой пользы въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ. Высказывая такое сужденіе, мы не думаемъ винить и порицать самихъ переводчиковъ. Ихъ дѣло — дѣло того времени. Переводческое дѣло только что начиналось тогда. По новости дѣла естественно было ожидать отъ нихъ ошибокъ и промаховъ. Ни въ одномъ новомъ дѣлѣ не удается сразу же напасть на вѣрный путь и на вѣрные приемы. Кому неизвѣстно, что начало всегда несовершенно, и, не смотря на то, оно, какъ начало, заслуживаетъ полнаго нашего уваженія уже потому только, что служить первой ступенью къ большому совершенству. Есть хорошая поговорка: не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Это съ одной стороны. Съ другой стороны — почти всѣ переводчики были русскіе, не въ достаточной степени владѣющіе инородческими языками. Поэтому нисколько не удивительно, что они допустили въ переводахъ массу руссизмовъ и изложили инородческій текстъ по конструкціи русскаго языка. Извѣстно, что даже въ настоящее время сами инородцы въ переводческомъ дѣлѣ часто не свободны бываютъ отъ руссизмовъ. Нужно еще замѣтить, что указанные переводы были сдѣланы съ большою поспѣшностью, въ какойнибудь мѣсячный срокъ. Само собой разумѣется, въ такой короткій срокъ невозможно было сдѣлать болѣе или менѣе удовлетворительный переводъ.

Говоря о переводах начала XIX в., нельзя не упомянуть еще об одном обстоятельстве: самый выбор книг для перевода был сделан неудачно. Чтобы заинтересовать крещеных инородцев христианством, тронуть их сердце, следовало выбрать, во всяком случае, не катихизис, а что-нибудь другое. Такая книга, как катихизис, изложенный в вопросо-ответной форме, в виде сухо-доматических рассуждений, не могла заинтересовать младенствующаго инородца даже и в том случае, если-бы она и была переведена правильно на живой инородческой языкъ.

Образчикъ. Вопросъ: Чему учить катихизисъ? Ответъ: Катихизисъ учить насъ познавать Бога и жить такъ, какъ Онъ повелѣлъ. В. Коликкократное есть ученіе катихизиса? О. Двойное ученіе катихизиса: 1) изъ природы; 2) изъ книгъ, Богомъ черезъ Пророковъ написанныхъ... В. А что есть Богъ? О. Богъ есть всѣхъ высочайшій, Котораго никто не создалъ, но самъ отъ себя есть и не быть не можетъ. В. Когда Богъ ни отъ кого не произошелъ, то что изъ сего слѣдуетъ? О. Изъ сего слѣдуетъ, что Богъ нашъ есть единъ. В. Когда Богъ самъ отъ себя есть, то что изъ сего заключить надлежитъ? О. То, что Онъ истинно прежде всѣхъ существовалъ и существуетъ. В. Когда Богу нельзя не быть, то что изъ того слѣдуетъ? О. Изъ того слѣдуетъ, что онъ есть и пребудетъ вѣчно... В. Для чего мы должны почитать Бога? О. Мы должны Бога почитать для бытія его... и т. д.

Чтобы тронуть инородца за живое, следовало выбрать для перевода книги повѣствовательнаго характера, напр., Евангеліе, священную исторію, житія святыхъ, рассказы изъ жизни христіанъ первыхъ вѣковъ, особенно глубоко — трогательные рассказы о послѣднихъ дняхъ жизни Христа Спасителя.

Теперь перейдемъ къ другой серіи переводовъ. 20 января 1818 года въ Казани было открыто Отдѣленіе Рос. Библ. Общества съ 15-ю сотовариществами въ разныхъ пунктахъ Казан. края. Такъ какъ цѣлью Библейскаго Общества — было вообще распространеніе слова Божія на всѣхъ языкахъ, то Казанское отдѣленіе его взяло на себя трудъ перевода Новаго Завета на языки мѣстныхъ инородцевъ. На Казанской каедрѣ въ то время былъ извѣстный своей ревностью архипастырь Амвросій Протасовъ (1816—1826),

сть самага начала своего управленія казанской паствой созавшій великую нужду въ христіанскихъ книгахъ на инородческихъ языкахъ. Преосвящ. Амвросій трудъ перевода Новаго Завѣта разрѣшилъ по частямъ между священнослужителями своей епархіи. Вскорѣ были представлены и самыя переводы: 1) на *чувашискомъ* языкѣ—Евангеліе отъ Матвѣя, переведенное причтомъ с. Пандикова, Курмыш. уѣзда; Евангеліе отъ Марка, переведенное священникомъ с. Чемѣева, Ядрин. у., Алексѣемъ Алмазовымъ; Евангеліе отъ Луки и Іоанна, переведенное священникомъ с. Шатъмы, Ядр. у., Василиемъ Θεодоровымъ; Соборное посланіе ап. Іакова, переведенное причтомъ с. Ишакъ, Козмод. у.; 2) на *черемисскомъ* языкѣ—весь Новый Завѣтъ (кромѣ Апокалипсиса), переведенный священниками сель Малаго Сундыря, Шапкиной и Арды, Козмод. у.; 3) на *мордовскомъ* языкѣ—все Евангеліе, переведенное священникомъ с. Напольнаго, Алатыр. у., Андреемъ Охотинымъ. Въ то же время Вятскій библейскій Комитетъ, черезъ знающихъ вотскій языкъ священнослужителей, перевелъ Евангеліе на *вотскій* языкъ ¹⁾. Переводы Евангелій были тогда же напечатаны на средства Библ. Общества и часть ихъ была разослана бесплатно въ инородческія церкви, а часть—для распродажи между инородцами.

Перевода Новаго Завѣта на татарскій языкъ Казанскимъ отд. биб. общ. сдѣлано не было по неимѣнію лицъ, основательно знающихъ татарскій языкъ. Хотя былъ въ то время въ Казани знатокъ татар. языка о. Тройнскій, но, очевидно, не сочли удобнымъ возложить на него такой громадный и непосильный для одного человѣка трудъ, тѣмъ болѣе—онъ обремененъ былъ множествомъ дѣлъ по прямымъ своимъ обязанностямъ ²⁾. Переводъ Нов. Зав. на татар. языкъ былъ сдѣланъ въ Астрахани Джономъ Митчелемъ и

¹⁾ Извѣстія о библ. обществахъ, № 3 за 1824 г., отд. III стр. 119 и 120; см. Можаровскаго „Изложеніе хода миссіонер. дѣла“..., стр. 110—111.

²⁾ Въ то время онъ состоялъ учителемъ татар. яз. въ Каз. Уѣзд. Училищѣ. Составленіе азбукъ, руководствъ и словарей отнимало у него массу времени.

Нордманномъ, при участіи учителя семинаріи о. Лебедева ¹⁾, и изданъ тамъ же въ 1820 г. на средства биб. общ. Этотъ-то переводъ и былъ выписанъ изъ Астрахани для распространенія между казанскими татарами.

Имѣли-ли эти переводы какое-либо значеніе въ дѣлѣ просвѣщенія Казанскихъ инородцевъ? Совершенно отрицать вліяніе ихъ на инородцевъ, конечно, нельзя. Есть историческія данныя, свидѣтельствующія о благотворномъ вліяніи ихъ на инородцевъ. Въ 1823 г. Казанскій библейскій комитетъ писалъ таковому же С.-Петербургскому: „не возможно безъ восторга душевнаго и искреннѣйшей благодарности къ Господу силъ пройти вниманіемъ тѣ новыя и неожиданныя явленія, кои во многочисленности начинаютъ показываться отъ дѣйствія слова Божія на сердца людей мордовскаго, чувашскаго и черемисскаго племени, обращающіяся къ истинамъ христіанскимъ, открывшимся имъ въ переводахъ евангелія на ихъ языки... Болѣе ста человекъ изъ сихъ племенъ, погруженныхъ во тьмѣ язычества, познали христіанскую вѣру и начинаютъ оставлять прежнее заблужденіе“ ²⁾. Въ 1824 г. Чебоксарскаго у., с. Сотникова священникъ І. Коршунъ доносилъ преосв. Амвросію, что дер. Тогашева изъ чувашъ крещеный Прокофій Никифоровъ, со всѣмъ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ 8 человекъ, равно и с. Вомбукась Кондратій Матвѣевъ съ женою и родной сестрою дѣвицею еженедѣльно приходятъ въ церковь для того, чтобы слушать евангеліе на ихъ языкѣ, и въ тѣ дни до самаго вечера не работаютъ ³⁾. Ядринскаго уѣзда с. Ярина свящ. В. Смѣловскій доносилъ, что въ Св. Четвергъ десятици 1823 г. изъ числа его прихожанъ, заматорѣвшихъ въ языческихъ обрядахъ, семь семействъ обратились совершенно ко Христу и причастились Св. Тайнъ съ душевнымъ восхищеніемъ ⁴⁾. Такіе же благопріятные отзывы о

¹⁾ Можаровскій „Изложеніе хода“..., стр. 119, и у П. В. Знаменскаго „На память о Н. И. Ильминскомъ“. Казань, 1892. стр. 33—34.

²⁾ Можаровскій. Излож. хода..., стр. 112.

³⁾ Тамже, стр. 113.

⁴⁾ Тамже.

вліяніи новыхъ переводовъ на инородцевъ поступили еще изъ нѣсколькихъ пунктовъ (см. у Можаровскаго).

Но, съ другой стороны, нельзя предполагать, чтобы эти переводы имѣли очень замѣтное вліяніе на инородцевъ. Самъ преосв. Амвросій не ожидалъ отъ нихъ вѣрныхъ плодовъ и въ указанныхъ выше фактахъ видѣлъ дѣло частной ревности нѣкоторыхъ священниковъ ¹⁾. Имѣется прекрасно составленный отзывъ о чувашскомъ Евангеліи, изд. 1820 г. Отзывъ этотъ принадлежитъ перу о. благочиннаго Петра Василевскаго, служившаго много лѣтъ въ чувашскомъ селѣ Абашевѣ, Чебокс. у., а потомъ въ Маріинскомъ Посадѣ (Сундырѣ). Въ виду основательности этого отзыва мы позволимъ себѣ привести его почти цѣликомъ. Вотъ что писалъ о. Василевскій: „Дверь Евангелія отверзается для многихъ пространнѣе прежняго,—говорили трудившіеся въ переводѣ Евангелія на русскій языкъ въ 1819 году. А нынѣ при вновь исправленномъ изданіи Евангелія и значительномъ распространеніи онаго въ русскомъ народѣ, дверь Евангелія отверзлась еще пространнѣе. И счастливъ русскій человекъ! У него въ рукахъ безцѣнная книга—св. Евангеліе, изложенное собственнымъ его языкомъ—простымъ, понятнымъ: ему остается только читать, или слушать слова о Христѣ и слово самого Христа, Просвѣтителя душъ человѣческихъ; ему остается только вѣровать и умудряться во спасеніе. Но въ глазахъ нашихъ есть довольно темное мѣсто, для котораго дверь Евангелія не отверста такъ пространно,—гдѣ сѣмя Слова Божія, болѣе столѣтія посѣваемое, не приноситъ вождельннхъ плодовъ, гдѣ свѣтъ Христовъ помрачается дымомъ старыхъ заблужденій, достояніемъ прадѣловскимъ. Это то темное мѣсто, гдѣ находятся чувашаи, народъ, у котораго христіанскія понятія перемѣшаны съ своими суевѣріями. Но что, скажутъ, мѣшаетъ чувашамъ читать или слушать слово Божіе? Развѣ нѣтъ на ихъ языкѣ той драгоценной книги, по страницамъ коей разлита особая Божественная сила—возставитъ человѣка падшаго и оживляетъ его душу мертвую для добра? Развѣ нѣтъ, скажутъ, чувашскаго Евангелія, могущаго взводить человѣка изъ старой,

¹⁾ Тамже, стр. 114.

ветхой жизни въ новую жизнь о Христѣ, возвышать и освящать его? Дѣйствительно, есть св. Евангеліе на чуваш. языкѣ, изданное въ 1821 году (здѣсь историческая дата показана о. Василевскимъ невѣрно: Евангеліе было издано въ 1820 г.). Эта книга въ нѣсколькихъ экземплярахъ хранится въ каждой церкви чувашскаго прихода, главное — хранится, бережется, — да и только; но для чувашъ и чувашами, можно сказать, не употребляется. Почему такъ? Потому, что переводъ Евангелія не удобопонятенъ для чувашъ. И это есть не личное наше мнѣніе, но общее всѣхъ священниковъ, служащихъ по чувашскимъ приходамъ, это есть мнѣніе всѣхъ знатоковъ чувашскаго языка, которые изучили его не изъ переводныхъ книгъ, а изъ устъ самихъ чувашъ. Всякому знатоку чувашскаго языка извѣстно, что изъ четырехъ евангелистовъ, евангелистъ Матѳеи переведенъ исправнѣе и лучше по языку, по складу рѣчи чувашской. Но и въ немъ усматриваются немаловажныя погрѣшности. Напримѣръ: гл. 1, ст. 25. Бильмере она хуперь увылъ сюрадса сѳумуладченъ“. Мысль выходитъ такая: „не зналъ ея (т. е. Іосифъ Маріи) дотолъ, пока самъ не родилъ одного сына“. Ясно, что *ху* — самъ — поставлено совсѣмъ нарасно, да и послѣ *бильмере она*, нѣтъ знака препинанія, запятой. Гл. 3, ст. 8. „Іугенни тушне туранзене“. Этого, думаемъ, не пойметъ ни одинъ чувашскій мудрецъ. — Ст. 17. „Онахъ саврамъ“, — „Его пожелалъ“²⁾, вмѣсто „въ которомъ Мое благоволеніе“. Гл. 5, ст. 3. „Сулешъ-ба килемъ бологанзамъ“, — „нищіе духомъ“. Чувашское килемъ — нищій, попрошайка, а сулешъ — воздухъ, которымъ дышемъ. Отъ сопоставленія такихъ словъ для чувашенина это мѣсто представляется весьма страннымъ. Ст. 6. „Хужсане сіясы, изясы вилеть чипне“, — кои хотятъ ѣсть и пить истину, вмѣсто: алчущіе и жаждущіе правды. Ст. 42. „Санданъ кивзень ведаганне ап-тавыръ“, — „у тебя взаимы просящаго не оборачивай назадъ“, вмѣсто „отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся“. Гл. 10, ст. 19. „Посъхизамра сита ан-сюредеръ видльмне“, — въ поясыамъ привязавши не заставляй-

²⁾ Это замѣчаніе о. Василевскаго не удачно. „Благоволеніе“ переведено словомъ „саврамъ“ правильно.

те золоту“. Ясно, что мысль передается невѣрно.—Ст. 22: „Камъ чидса сидере вара пюдетчень, вуль сьолуне“,— „кто терпя достигнетъ до погибели, тотъ спасется“... Гл. 19, ст. 23: „Хинь пояна киме сьолди борнызя“,— „горе богатому входить въ жизнь вышнюю“, вмѣсто: „трудно богатому войти въ царство небесное“¹⁾). Гл. 23, ст. 17: „Хуже выдмыне тые курдетъ“,— „который крестить золото“, вмѣсто: „храмъ, освящающій золото“. Гл. 24, ст. 14: „Пюдессы да ончохъ боле“,— „погибель тогда будетъ“, вмѣсто: „тогда придетъ конецъ“. И проч. и проч. Кромѣ сего можно указать и на нѣкоторые пропуски въ томъ же Евангеліи отъ Маттея (здѣсь у о. Васильевскаго идетъ цѣлый рядъ указаній на пропуски). Такое несовершенство чувашскаго перевода Евангелія служить немалымъ препятствіемъ для чувашей къ уразумѣнію евангельской истины во всей ея чистотѣ, что въ приходахъ чувашскихъ нерѣдко подтверждается самымъ опытомъ. Бываютъ случаи, что грамотные изъ чувашъ просятъ книгъ для чтенія, а мы первымъ долгомъ считаемъ давать таковымъ въ руки чувашское Евангеліе. Получая книгу на своемъ языкѣ, всегда сначала радуются, но что же потомъ? Возвращаютъ книгу назадъ и говорятъ, что они, читая, ничего почти не понимаютъ, отзываются, что у нихъ такъ не говорятъ. Эти случаи показываютъ, что въ Евангеліи и самый складъ рѣчи чувашской неправиленъ, какъ и дѣйствительно, особенно въ Евангеліяхъ Марка, Луки и Іоанна, взятъ совсѣмъ не съ разговорнаго чувашскаго языка, а составленъ примѣнительно къ русскому печатному языку. А это есть весьма важный недостатокъ чувашскаго Евангелія.

„За симъ, представьте: можетъ-ли имѣть желаемое дѣйствіе на души христіанъ слово Божіе, само въ себѣ легкое и дѣйственное, когда оно сокрыто подъ трудно понимаемую оболочку языка? И удивительно-ли, что чувашаи, не смотря

Это замѣчаніе тоже неудачно: „хинь“ означаетъ не „горе“, а именно „трудно“, а „сьолди“ употребляется въ смыслѣ „вышній, верхній“, и въ смыслѣ „небесный“, только надо писать „сьолди“, а не „сьолци“, ибо послѣднее означаетъ: „путевой, дорожный“, или прилагательное „годовой“.

на давность принятия христіанства, не крѣпко привязаны къ нему? Удивительно-ли, что они не могутъ оторваться отъ своихъ прадѣдовскихъ суевѣрій, отъ своихъ „емзей“, отъ частныхъ и общественныхъ „чуковъ“, т. е. привошеній въ жертву животныхъ? Христіане—чуваши—почти безъ слова Божія, а человекъ безъ слова Божія „мраченъ, гладенъ, жаждущъ и мертвъ духовно“...¹⁾ Существующая на языкѣ чувашскомъ книга Евангелій, надобно замѣтить, и напечатана неаккуратно и неисправно съ довольно значительными опечатками и несоблюденіемъ знаковъ препинанія. Такимъ образомъ, несовершенство существующаго перевода Евангелій само собой громко вопіетъ о необходимости замѣнить его другимъ болѣе исправнымъ, болѣе совершеннымъ переводомъ и удобопонятнымъ для чувашъ¹⁾. Къ связанному о Васильевскимъ почти нечего и добавлять. Замѣтимъ только, что все, сказанное имъ о чувашскомъ переводѣ Евангелія, почти цѣликомъ можно отнести и къ другимъ переводамъ: черемисскому, мордовскому и вотскому. Во всѣхъ переводахъ сплошное нарушеніе основныхъ правилъ инородческихъ языковъ, вездѣ неправильное словоупотребленіе, искажающее мысли и духъ подлинника, а мѣстами наводящее даже на соблазнительныя мысли. Но нужно замѣтить, что въ сравненіи съ прежними переводами катихизиса эти переводы все—таки лучше: въ нихъ замѣтно уже стремленіе переводчиковъ примѣниться въ складу рѣчи инородческой. Это уже шагъ впередъ въ переводческомъ дѣлѣ.

Переводы, написанные такимъ неправильнымъ и непонятнымъ языкомъ, конечно, не могли оказать большого вліянія на инородческое населеніе. Это доказывается тѣмъ фактомъ, что хотя эти переводы изданы были въ тысячахъ экземпляровъ и въ свое время бесплатно разосланы въ инородческіе приходы, однако теперь очень трудно встрѣтить ихъ среди инородцевъ. Ихъ только и можно теперь находить въ бібліотекахъ академій, семинарій и приходскихъ церквей, какъ археологическую рѣдкость. И замѣчательно: гдѣ только (въ бібліотекахъ) намъ ни приходилось встрѣ-

¹⁾ Странникъ 1873 г., т. I, ч. 2, стр. 56—60.

чать эти книги, вездѣ онѣ лежатъ чистехоньки, дѣлехоньки, чѣмъ доказывается то, что онѣ никогда не были въ употребленіи. Иногда онѣ случайно встрѣчаются у самихъ инородцевъ въ чуланѣ или на подволокѣ въ трудѣ разнаго хлама. Если-бы народъ любилъ ихъ, то дорожилъ-бы ими и хранилъ бы ихъ, какъ святыню, какъ теперь хранятъ инородцы переводческія изданія Прав. Мис. Общества въ божницахъ рядомъ съ иконами или въ шкатулкахъ подъ божницами.

Татарскій переводъ Нов. Завѣта, изданный въ Астрахани въ 1820 г., былъ сдѣланъ на турецко-татарскомъ языкѣ для ногайскаго и кавказскаго нарѣчій и, какъ таковой, былъ непонятенъ для татаръ Казанскаго края. Книги Нов. Завѣта сначала предлагались татарамъ за плату, но вида, что никто изъ крещеныхъ татаръ не желаетъ покупать ихъ, стали раздавать ихъ даромъ. Извѣстій о хоть сколько-нибудь отрадномъ вліяніи ихъ на крещено-татарское населеніе не встрѣчается.

Немного раньше Новаго Завѣта, именно—въ 1818 г., на томъ же татарско-ногайскомъ нарѣчій была издана въ Астрахани Псалтирь, переведенная англійскими миссіонерами. Среди Казанскихъ татаръ и эта книга не могла сдѣлаться популярной, по ея неудобопонятности.

Въ 20-хъ годахъ XIX в. среди крещеныхъ татаръ всего Казанскаго края началось массовое отступническое движеніе. Это печальное явленіе вновь напомнило преосвященному Казан. Филарету Амфитеатрову (1828—1837) о необходимости перевода христіанскихъ книгъ на инородческіе языки. Такъ какъ прежніе переводы оказались неудачными, преосв. Филаретъ поручилъ священникамъ своей епархіи перевести на чувашскій и черемисскій языкъ краткій катихизисъ м. Филарета, извѣстный подъ названіемъ „Начатковъ христіанскаго ученія“. Переводъ былъ сдѣланъ и въ 1832 г. отпечатанъ: чувашскій въ 1200 экзем., а черемисскій на двухъ нарѣчійяхъ—горномъ и луговомъ—въ 100 экзем. на каждомъ. Тогда же былъ напечатанъ татарскій переводъ „Начатковъ христіанскаго ученія“, сдѣланный о. А. Онисифоровымъ, занимавшимъ послѣ о. Троянскаго мѣсто учителя татар. яз. въ Казанской семинаріи и Казан. уѣзд. училищѣ. Эти переводы сравнительно съ прежними лучше, но, тѣмъ не менѣе, далеко несовершенны: за исклю-

ченіемъ нѣкоторыхъ удачныхъ мѣстъ, переводы были составлены, какъ и прежде, на ломанномъ языкѣ. Поэтому и эти переводы не оказали, кажется, замѣтнаго вліянія на крещенныхъ инородцевъ. Отступническое движеніе среди инородцевъ было остановлено, но эту заслугу нужно приписать, по всей вѣроятности, не указаннымъ переводамъ и ни чему — нибуду другому, а ревности преосв. Филарета. Необыкновенно свѣтлая личность этого архипастыря, во многомъ напоминающая личность перваго святителя Казанскаго Гурія, его личныя задушевыя бесѣды съ инородцами во время неоднократныхъ поѣздокъ по епархіи, его проникнутое сердечнымъ участіемъ къ инородцамъ пастырское посланіе, которое въ 1831 году было разослано по инородческимъ приходамъ и прочитывалось священниками инородцамъ въ переводѣ на ихъ языкъ, — все это оказывало такое обоятельное вліяніе на инородцевъ, что среди нихъ не только остановилось до поры до времени отступническое движеніе, но даже вновь обратилось къ христіанству нѣсколько сотъ инородцевъ — язычниковъ.

Священникъ *К. Прокопьевъ*.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Разсказъ чувашина деревни Типь-Сирмы, Больше-Шатьминскаго прихода, записанный діаконъ с. Шихазанъ Тарасіемъ Кирилловымъ въ февралѣ 1903 г.

„Я съ малыхъ лѣтъ началъ жить у русскихъ — разсказывалъ чувашинъ. Недалеко отъ нашей деревни есть базарная деревня, на большой дорогѣ, Дворики. Живя у разныхъ торговцевъ, я выучился говорить по-русски, конечно, не совсѣмъ хорошо, а всетаки могъ объясняться. Потомъ, по примѣру другого сосѣда, я пошелъ въ Русь, туда, гдѣ русскіе люди живутъ, пошелъ въ Нижегородскую губернію. Не думалъ, не ожидалъ я, что тамъ живутъ раскольники. Оказалось, что тамъ раскольники живутъ. Вотъ я живу съ ними. Сначала на меня раскольники смотрѣли косо; боялись, должно быть, что-ли, или думали, что я очень

ужь знаю свою вѣру и осужу ихъ. Потомъ увидятъ, что имъ нечего меня бояться. Стали подумывать, какъ бы къ себѣ меня переманить. „Ты живи лучше по-нашески, внушали они мнѣ, душу спасешь, у васъ въ всѣхъ погибнуть, въ церкви то у васъ ничего не бываетъ“. А потомъ (ахъ знаетъ я) живу я у раскольниковъ мѣсяць, живу другой, а они, народъ то хитрый, все меня стараются по ихнему учить. „Ты, говорятъ, молись по-нашему, да и своихъ чувашь учи по-нашему молиться, потому что по-нашему душу можно спасти. Ихъ то много. Я одинъ. Меня очень ужь начали, того, вразумлять. Говорятъ: „если ты не будешь по-нашему Богу молиться—ты все одно, что жиды, которые Христа распяли“. И начинаютъ, бывало, мнѣ вечеромъ рассказывать объ І. Христѣ, Божіей Матери, сотвореніи міра—и все такое божественное. Хорошо, думаю: они стараются о моемъ спасеніи, и началъ все дѣлать по ихнему: молился съ ними вмѣстѣ, ѣлъ изъ особой чашки. Въ зимніе вечера все больше о Богѣ читали. Цѣлый годъ я съ ними, никакъ, жилъ, даже больше. Потомъ смотрю, у меня правая рука начинаетъ болѣть. Черезъ нѣсколько дней, поди ты грѣхъ какой, рука совсѣмъ не работаетъ; ничѣмъ не вредилъ, а болитъ. Просто высохла и не дѣйствуетъ. Меня раскольники лѣчили, да толку не вышло. Я ушелъ домой. Раскольники звали придти къ нимъ опять, когда рука, того, поправится. Домой пришелъ, и рука стала лучше. А самъ я Богу молюсь. Молюсь то все по-старовѣрному ученію. Я замѣчаю, что когда молюсь по ихнему, у меня рука больше болитъ. Да и домашніе надо мною смѣются—почему я изъ особой чашки хлѣбаю, а не съ ними. Они то не знаютъ, что я раскольникъ. Чтобы излечить меня, къ йюмзамъ ходили и чего-чего только домашніе не дѣлали. Имъ я все говорилъ, что не надо ходить къ йюмзамъ, не надо ходить и въ церковь, не надо и попа звать. Они разъ спрашиваютъ меня, зачѣмъ я такъ говорю. Я рассказалъ имъ, гдѣ я все это слышалъ. Они рассказали нашему батюшкѣ. Батюшка на меня серчать началъ. Я тоже, что и раскольники, ему, знаешь, говорю. Въ концѣ концовъ, батюшка довелъ меня до слезъ. „Ты, говоритъ, умрешь съ такой болѣзнію, если не покаешься; тебя Богъ караетъ, зачѣмъ ты раскольниковъ послушался и съ ними молился. У тебя рука, видишь, какъ скорчилась, чтобы ты не могъ

по старообрядчески помолиться. Богъ тебя вразумляетъ“. И дѣйствительно, вотъ истинный Богъ (онъ перекрестился), такъ и вышло. Меня Богъ вразумилъ. Слава Тебѣ, Господи... (онъ долго что то про себя говорилъ, у него слезы появились на глазахъ). Потомъ я началъ каяться и каяться; въ церковь сталъ ходить. Батюшка меня часто училъ и вразумлялъ. Я, какъ видишь, о дьяконъ, скоро и совсѣмъ поправился. Въ Крещенвѣ, когда на іорданъ ходять, послѣ крестопогруженія я семь разъ искупался, семь разъ! какъ только вытерпѣлъ!.. Это я для того, видишь, чтобы отъ раскола очиститься. Послѣ этого долго говѣлъ, потомъ исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ. Вотъ что со мною случилось. Возненавидѣлъ я тутъ раскольниковъ. Вотъ, думаю, задамъ я имъ теперь ума-разума. Какъ совсѣмъ поправился, пошелъ я къ нимъ опять, видишь къ раскольникамъ, чтобы разсказать имъ свою исторію. Они опять меня приняли въ работники; у нихъ, у богатыхъ, хорошо жить въ работникахъ, деньги хорошо платятъ. Одинъ изъ моихъ земляковъ, тоже чувашинъ, тамъ остался на всю жизнь; женился на раскольницѣ и вошелъ въ домъ въ тестю, сына у него не было. Онъ, конечно, теперь настоящій раскольникъ сталъ; дома не знаютъ, гдѣ онъ живетъ, да некому искать его: всѣ домашніе померли. Я и началъ говорить имъ почаще о своей исторіи. Если бы незнакомы были раньше хозяева, то непременно прогнали бы меня, а разъ я съ ними знакомъ, то они, того, видишь, не больно сердились на меня. У нихъ я прожилъ послѣ цѣлыхъ три года. Я и въ Москвѣ бывалъ; возму, бывало отпущу отъ хозяина на мѣсяцъ и больше и хожу, куда хочется: ходилъ и въ Питеръ, Кронштадтъ ходилъ, отца Іоанна видѣлъ, даже у него исповѣдывался и причащался. Въ благодарность Богу за милость, я захотѣлъ купить себѣ иконы: моленіе о Чашѣ и Афонскихъ Петра и Онуфрія. Я ихъ заказалъ написать одному художнику. Онъ мнѣ и написалъ ихъ. Иконы освящены въ Москвѣ“. Разсказчикъ-чувашинъ пожертвовалъ обѣ иконы въ церковь села Большой-Шатмы.

Сообщилъ *Н. Никольскій*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Въ августѣ мѣсяцѣ с. г. въ г. С.-Петербургѣ открыты утвержденные Мин. Вн. Дѣлъ „Курсы Теоріи Музыки (композиціи) С. Т. Аббанумова“. Кромѣ мѣстнаго для г. С.-Петербурга значенія, означенные Курсы предполагаютъ давать возможность лицамъ; живущимъ въ провинціи, какъ-то: учителямъ народныхъ и городскихъ школъ и другихъ учебныхъ заведеній, регентамъ, дирижерамъ хора и оркестра, учителямъ музыки, а также любителямъ и композиторамъ свѣтской и духовной музыки, не отрываясь отъ своего дѣла, посредствомъ переписки съ Курсами (заочное обученіе), пройти или дополнить свое теоретическое музыкальное образованіе (присылкой своихъ работъ на Курсы для провѣрки и исправленія ошибокъ). Лекціи учащимся высылаются безплатно. Исправленные работы отсылаются наложеннымъ платежомъ. При дешевизнѣ обученія (учителя народн. школъ уплачиваютъ не болѣе 2-хъ руб. въ мѣсяць), экономіи времени при непрерывной работѣ и безъ взноса денегъ впередъ для учащихся, Курсы могутъ разсчитывать на большой контингентъ учащихся въ нашей многочисленной и разбросанной на громадныя разстоянія отъ большихъ городовъ провинціи, если намѣренія Курсовъ въ смыслѣ рациональности такого способа обученія теоріи музыки оправдаются.

СОДЕРЖАНІЕ.

Официальный отдѣлъ. Объявляется Архипастырская благодарность. 1083. Распоряженія Епархіальнаго начальства. 1083—1088. Свободныя мѣста. 1089. Присоединеніе къ православію и Просвѣщеніе св. крещеніемъ. 1089—1090.

Неофициальный отдѣлъ. Поученіе о протоіерея І. И. Сергіева въ день Воздвиженія Креста Господня. 1091—1093. Въ области духовной литературы. 1094—1100. Переводы христіанскихъ книгъ на внородскіе языки въ первой половинѣ XIX в. *Ж. Прокопъевъ.* 1100—1118. Разсказъ чувашина деревни Типь-Сирмы, Больше-Шатьминскаго прихода, записанный діакономъ с. Шихазанъ Тарасіемъ Кирилловымъ въ февралѣ 1903 г. *Н. Никольскій.* 1118—1120. Объявленіе. 1121.

Редакторъ доцентъ академіи В. Протопоповъ.

Печатать дозволяется. Казань, 28 августа, 1904 г.
Редакторъ Академіи Епископъ Алексій.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

Сообщилъ Н. Никольскій.